

На пути к сферам влияния и конец «балканской полифонии»: Юго-Восточная Европа в стратегических расчетах Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны

Вторая мировая война запустила процесс фундаментального реформатирования системы международных отношений. Прежняя многополярная модель, предполагавшая, помимо нескольких центров силы в лице великих держав, также и определенную внешнеполитическую самостоятельность малых стран, оказалась нежизнеспособной. Подобное распределение мощи на международной арене во многом создало благоприятные условия для усиления экспансионизма ревизионистских держав, вселив в них уверенность в возможность изменения существующего баланса сил военными методами. Перед лидерами «Большой тройки» стояла задача построения такого миропорядка, который бы исключил появление нового ревизиониста, претендующего на гегемонию. Было очевидно, что конфигурация будущей модели международных отношений определялась характером взаимодействия СССР, США и Великобритании, за которыми в американской публицистике военных лет закрепилось качественно новое определение — «сверхдержавы»¹. Обосновывая системообразующую роль «Большой тройки» в процессе создания послевоенного миропорядка, известный американский политолог Н. Спайкман подчеркивал, что «любая работающая система коллективной безопасности должна опираться на великие державы, у которых одних есть способность ее обеспечить»².

В этой связи особый интерес представляет позиция Великобритании — державы, которая являлась, с одной стороны, ключевым игроком прежних многополярных моделей международных отношений, с другой — претендовала на принятие глобальной от-

ветственности за судьбы послевоенного миропорядка. Поскольку Балканский полуостров занимал важное место в стратегическом планировании как Великобритании, так и СССР — ее партнера по антигитлеровской коалиции и традиционного геополитического соперника, представляется целесообразным проанализировать подходы Лондона к устройству послевоенного регионального порядка в Юго-Восточной Европе. Обращение к этому сюжету позволит высветить как преемственность, так и изменчивость британской политики в отношении Балкан, что, в свою очередь, приближает нас к пониманию новых принципов организации политического пространства Юго-Восточной Европы в послевоенный период.

Несмотря на заключение англо-русского соглашения о совместных действиях в войне против Германии в июле 1941 г., а затем и союзного договора в мае 1942 г., традиционное недоверие правящих кругов Великобритании к Советскому Союзу, хоть и ослабло в условиях военного времени, но не исчезло. С одной стороны, понимая тождественность военно-стратегических установок Российской империи и СССР, с другой — оценивая деструктивный потенциал советской идеологии с точки зрения стабильности капиталистического мира, британское правительство, возглавляемое У. Черчиллем, стремилось по возможности подготовить почву для сохранения британского влияния после войны в тех регионах, которые имели принципиальное значение для обеспечения безопасности британских имперских коммуникаций. Балканская федерация казалась универсальной формулой, которая позволяла сделать ставку на объединение сил и ресурсов малых стран региона, надеявшихся на поддержку Запада, тем самым создав зону, закрытую для советского доминирования. На этой волне внимание британских дипломатов привлекли проекты балканской федерации, разрабатываемые с осени 1941 г. греческим и югославским правительствами в эмиграции. Федерация мыслилась как блок независимых национальных государств, разделявших общее видение организации политического пространства региона и готовых к разностороннему сотрудничеству в деле его отстаивания³. Первым камнем в основании гипотетического комплекса региональной безопасности

в Юго-Восточной Европе стало подписание между эмигрантскими правительствами Греции и Югославии соглашения о Балканском союзе (15 января 1942 г.). Отечественный исследователь С.А. Романенко справедливо оценивает эти греко-югославские договоренности как стремление воссоздать Балканскую Антанту 1934 г., по сути, прекратившую свое существование после нападения Италии на Грецию в октябре 1940 г.⁴ Как мы видим, планы греческих и югославских политиков, мысливших категориями довоенного времени, не являлись концептуальным прорывом. Артикулируемые ими конструкции региональной безопасности во многом зиждились на укоренившихся в сознании балканской элиты антикоммунистических фобиях⁵.

Вместе с тем в Лондоне с самого начала понимали, что любые центростремительные движения в Юго-Восточной Европе обуславливались характером импульсов, исходивших от советского центра силы. Вопрос о послевоенном политическом сопряжении стран Центральной и Юго-Восточной Европы неоднократно поднимался во время советско-британских переговоров. Уже на первой встрече И.В. Сталина и британского министра иностранных дел Э. Идена, состоявшейся в Москве в декабре 1941 г., концепция конфедерации малых стран, озвученная главой Форин оффис, не нашла поддержки советского лидера, внешнеполитическое сознание которого отличалось приверженностью политике сфер влияния⁶. Советские дипломаты, в частности, посол в Лондоне И.М. Майский, доказывали своим английским визави, что комбинации малых стран нежизнеспособны⁷. На Московской конференции министров иностранных дел трех держав (октябрь 1943 г.) советское руководство совершенно недвусмысленно обозначило свою позицию по проблеме федерации. Любая группировка малых стран называлась им искусственной, преждевременной, ущемляющей их суверенитет и не имеющей ничего общего с мирным, свободным и осмысленным волеизъявлением народов. Более того, отсылая к прошлому негативному опыту, советское правительство уподобляло федерации малых стран «санитарному кордону», возведенному против Советского Союза в межвоенный период⁸. По расчетам Москвы, альтернативой формированию неблагоприятной для СССР внешнеполитической среды

в Центральной и Юго-Восточной Европе могло стать налаживание двусторонних союзнических отношений с малыми странами региона. Аprobацией этого нового подхода явился советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанный в Москве 12 декабря 1943 г. Не только само содержание договора, но и его идеологический подтекст, а также пафос, сопровождавший подписание документа, вызвали изрядную тревогу у британских и американских союзников. Так, на специальном заседании Всеславянского комитета, приуроченном к визиту президента Чехословакии Э. Бенеша, последний заявил о том, что советско-чехословацкий договор должен рассматриваться как модель взаимоотношений между славянскими государствами⁹. В отчете британского посольства в Москве за 1943 год прямо констатировалось, что Советский Союз сделал разворот в сторону «славянской политики», для претворения в жизнь которой у него имелись все необходимые инструменты. Адаптация основных идей окутанного мистицизмом панславизма XIX века (апелляция к единой вере и крови), осознание особой миссии славянства в условиях военного времени (рупором этого тезиса являлся Всеславянский комитет), расширение деятельности Православной Церкви, привлекательность советских институций в глазах левой общественности — все эти компоненты, отчасти замешенные на иррационализме, должны были, как казалось британским дипломатам, усилить гравитацию зарубежных славян в сторону СССР¹⁰.

О том значении, которое придавал Лондон ситуации в Юго-Восточной Европе, свидетельствуют попытки, предпринимаемые У. Черчиллем в ходе работы Тегеранской конференции, убедить своих партнеров по антигитлеровской коалиции в необходимости проведения союзниками военных операций на Балканах. По словам британского лидера, «балканский театр является фактором, заставляющим противника напрягать свои ресурсы, и таким образом этот театр может облегчить предстоящие нам тяжелые бои»¹¹. В преддверии подготовки операции «Оверлорд» в Северной Франции британский премьер настаивал на важности удержания дислоцированной на Балканах 21-й германской дивизии. Он наметил два возможных взаимодополняемых плана действий:

первый — это интенсификация помощи югославским партизанам, дабы они усилили свои вылазки на территории, оккупированные противником; второй — вступление в войну Турции. Между тем партнеры Черчилля не разделяли его балканского энтузиазма. Президент США Ф.Д. Рузвельт поддержал идею наращивания помощи партизанам И. Броз Тито, но солидаризировался со Сталиным в том, что приоритетом являлась операция «Оверлорд», а военные акции в Средиземноморье могли отодвинуть сроки высадки союзников в Нормандии, что было крайне нежелательно¹². В итоге, лидеры «Большой тройки» достигли договоренности о разработке планов «камуфляжных» операций на Балканах с целью ввести в заблуждение противника и тем самым сковать его дивизии в регионе¹³. В целом же на этапе Тегеранской конференции ситуация в «мягком подбрюшье» Европы не «отравляла» отношений СССР, Англии и США, для которых первоочередной задачей являлось создание устойчивого фундамента нового мироустройства. Разумеется, бессмысленно отрицать существование противоречий между Москвой и Лондоном на Балканах. Кремль прекрасно отдавал себе отчет в стратегической важности Восточного Средиземноморья для британских имперских коммуникаций и в том, что политика Уайтхолла была направлена на установление своего контроля над подступами к этим коммуникациям.

Готовность отодвинуть идеологические стереотипы на второй план ради достижения главной цели — победы над «осью» — проявилась в корректировке отношения англосаксонских держав к движению Сопrotивления в Югославии. Фактически англичане и американцы признали партизан И. Броз Тито, т.е. левый фланг югославского Сопrotивления, воюющей стороной, а, значит, силой, которая будет причастна к решению послевоенных судеб своей страны. Этот поворот в балканской политике англосаксонских держав был продиктован сугубо прагматическими соображениями — пониманием эффективности борьбы партизан против немцев и разочарованием в действиях четников, руководимых военным министром югославского правительства в эмиграции Д. Михайловичем.

В отчетах, составленных на базе донесений британских офицеров связи, командированных в штабы Тито и Михайловича,

совершенно четко прослеживался переход инициативы в отпоре захватчикам к партизанам, а также фиксировался рост доверия к последним со стороны местного населения¹⁴. В Лондоне были крайне недовольны пассивной, выжидательной позицией, занятой военным министром югославского королевского правительства и тем, что он был преимущественно сосредоточен на противостоянии коммунистам вместо нанесения материального ущерба противнику и выведения из строя его инфраструктуры¹⁵. Не меньшее беспокойство британского командования вызывала поступающая информация о случаях сотрудничества некоторых офицеров армии Михайловича с квислинговым правительством М. Недича¹⁶.

На этом фоне, если судить по рапортам британских офицеров связи, гораздо большей конструктивностью отличались действия партизан Тито, которые отвлекали на себя силы немцев и итальянцев¹⁷. Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) трансформировалась в значимый фактор антифашистской борьбы на Балканах. Понимая этот факт и стремясь наладить диалог с жизнеспособной силой, которую будет нельзя проигнорировать в процессе мирного урегулирования, Черчилль направил в штаб Тито специальную миссию. В мае 1943 г. в районе Дурмитора (Черногория) парашютировались майор Ф. Дикин, преподаватель Оксфордского университета, помогавший Черчиллю с написанием его исторических исследований, и еще несколько офицеров¹⁸. В сентябре того же года Дикина в качестве главы британской миссии при НОАЮ сменил бригадир Ф. Маклин, бывший сотрудник Форин оффис, а на тот момент член парламента от Консервативной партии, а также друг Рэндольфа Черчилля, сына британского премьер-министра¹⁹. Сам Черчилль-младший парашютировался в ставку Тито в феврале 1944 г. Стремление английской стороны установить контакт с партизанами вызывало немалую подозрительность у И.В. Сталина. Появление Рэндольфа в штаб-квартире партизан советский лидер воспринял весьма скептически, заметив следующее: «Имейте в виду, сыновья премьеров так просто на парашютах не прыгают и в чужих штабах без определенных целей не появляются»²⁰. При этом сами британцы смотрели на установление связей с партизанами как на

реверанс в сторону советского правительства: отбросив в сторону идеологические штампы, они оказывали помощь прокоммунистическим силам, тем самым демонстрируя свою союзническую солидарность с СССР²¹.

Осмысливая опыт, полученный во время своего пребывания в ставке Тито, Маклин, имевший встречу с Черчиллем накануне Тегеранской конференции, довольно убедительно аргументировал премьер-министру необходимость наращивания сотрудничества с партизанским движением. Ибо оно, по его словам, олицетворяло собой самостоятельный центр силы на политическом пространстве распавшейся Югославии. Не желая себя связывать никакими договоренностями с представителями старого режима (т.е. правительством в эмиграции), Тито был нацелен, по заключению британца, построить на руинах прежнего государства новое тоталитарное общество по образу и подобию советского. В таких условиях внешнеполитическая ориентация новой Югославии на Москву была предопределена. По словам Маклина, только военная интервенция могла бы помешать Тито захватить власть в стране после ухода немцев. Однако такой подход к решению проблемы он считал бесперспективным, призывая вместо этого к военному сотрудничеству с НОАЮ и установлению стабильных отношений с Тито, что позволило бы подорвать советское влияние в новой Югославии²².

В конце 1943 г. в ходе работы II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) произошла институализация революционной власти на освобожденных партизанами территориях. То обстоятельство, что эта сессия состоялась в боснийском городе Яйце сразу после Тегеранской конференции, не было случайным совпадением. Тито в буквальном смысле хотел поставить лидеров «Большой тройки» перед *fait accompli*: интересы великих держав и существовавшие между ними договоренности не должны были проецироваться на послевоенное устройство Югославии.

В общем расчет оказался правильным: великим державам, прежде всего Великобритании, приходилось считаться с преобразованиями в этой балканской стране. Черчиллевская концепция послевоенной Югославии, по замечанию британского истори-

ка югославского происхождения С. Павловича, была не просто эклектична, а внутренне антагонистична: премьер-министр представлял себе, что страна будет управляться совместно королем и партизанским вождем-коммунистом²³. По-прежнему рассчитывая на то, что революционное и эмигрантское правительства можно подвести к компромиссу, Черчилль вступил в личную переписку с Тито.

Отчасти позиция Великобритании, ее невмешательство в гражданскую войну в Югославии облегчили свершение там внутренней революции, чего нельзя было сказать о другой балканской стране — Греции.

К весне 1943 г. греческие повстанцы, а это были силы прокоммунистической Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС), контролировали, по донесениям британской разведки, почти всю горную местность²⁴. Однако весь трагизм ситуации состоял в том, что Национально-освободительный фронт Греции (ЭАМ), который, по справедливому замечанию отечественного неозеллиниста О.Е. Петруниной, сделал решающий вклад в партизанскую борьбу, имел в распоряжении крупнейшие вооруженные силы, снискал авторитет среди местного населения и на определенном этапе обладал реальной властью в стране, игнорировался руководством великих держав, контакты с которыми поддерживало эмигрантское правительство²⁵. Англичане, относившиеся с большим недоверием и подозрительностью к процессу переформатирования политической жизни Греции, не видели в ЭАМ регионального партнера. Ибо коммунистическое ядро ЭАМ, на взгляд Лондона, могло манипулироваться внешней силой (центром мирового коммунизма — Москвой). Гораздо проще дело обстояло с эмигрантским правительством, действия которого были и предсказуемы, и контролируемы. В соответствии с этой логикой британское правительство просто не могло пустить на самотек ситуацию в Греции и абстрагироваться от перегруппировки политических сил в этом сегменте Восточного Средиземноморья, ибо речь шла об обеспечении безопасности Британской империи.

Будучи заинтересованным в военных усилиях ЭЛАС против врага, но в то же время стремясь закрепить за буржуазны-

ми партиями ведущую роль в политическом процессе, Лондон предпринял попытку содействовать внутригреческому диалогу, а вернее монологу эмигрантского правительства с редкими репликами со стороны левых сил. При посредничестве англичан было организовано две конференции (в Ливане в мае 1944 г. и итальянском городе Казерта четыре месяца спустя), на которых за столом переговоров встретились представители различных флангов Сопrotивления, эмигрантского правительства и британского командования. Результатом этих конференций стало подчинение всех вооруженных сил страны единому командованию, которое в конечном счете возглавил английский генерал. Это был болезненный удар по позициям ЭАМ, который был вынужден пойти на заключение Ливанского и Казертского соглашений, надеясь на международное признание. За этим последовало прямое вмешательство Лондона в греческие дела, ибо основная функция английских войск, прибывших в страну в октябре 1944 г., заключалась в поддержке эмигрантского правительства. Так, демонстрация в Афинах, организованная ЭАМ в начале декабря 1944 г., была расстреляна местной полицией и британскими военными²⁶. Новой попыткой затормозить поляризацию политических сил в стране явилось Варкизское соглашение (февраль 1945 г.), ставшее интерлюдией между Второй мировой и гражданской войной в Греции.

Совсем иной настрой британское правительство демонстрировало в отношении балканских сателлитов нацистской Германии — Болгарии и Румынии. Лондон довольно равнодушно реагировал на попытки прозападных элементов в этих странах вступить в переговоры с руководством Великобритании и США, дабы не допустить советского преобладания на Балканах. Так, безуспешными оказались миссии советника царя Болгарии Бориса III Й. Севова и зампре­дседателя Болгарского союза промышленников Г. Киселова, направленных в Турцию в январе-марте 1944 г. в расчете на переговоры с американскими представителями в Анкаре²⁷, равно как и переговоры, проходившие в Каире в конце августа — начале сентября между Ближневосточным командованием союзнических сил, с одной стороны, и болгарской делегацией в составе бывшего председателя Народного собрания

С. Мошанова и полковника Д. Желязкова, прежде военного атташе Болгарии в Турции, — с другой²⁸. Фактически англичане и американцы проигнорировали запросы правительства «национальной концентрации» К. Муравиева о заключении перемирия при ведущей роли Лондона и Вашингтона.

Как и в случае с Болгарией, либерально-буржуазная оппозиция Румынии в страхе перед вторжением советских войск на территорию страны, стремилась установить контакт с представителями англосаксонских держав, чтобы именно с ними подписать перемирие. Так, реагируя на отказ (март 1944 г.) румынского политического истеблишмента в лице Ю. Маниу, кн. Б. Штирбея и Д. Брэтиану капитулировать перед СССР, британское и американское командование в Каире заявило, что «бесполезно надеяться на подтягивание британских войск к границам Румынии, и что будет лучше для нее, если русские, подойдя к ее рубежам, увидят, что они (румыны. — *О.А.*) направили свое оружие против Германии, чем они будут продолжать сражаться на стороне Германии»²⁹.

Британские дипломатические и военные круги прекрасно отдавали себе отчет в том, по какому сценарию Советский Союз будет действовать в отношении балканских союзников рейха. В меморандуме, подготовленном в конце мая одним из высокопоставленных чиновников Форин оффис — О. Сарджентом, констатировалось, что своим дипломатическим прессингом на официальную Софию, усилившимся с весны 1944 г., Кремль стремился либо спровоцировать государственный переворот в Болгарии, либо подтолкнуть правящие круги царства к формированию «правительства, включающего в себя политическое меньшинство, которое сразу же утвердит русское влияние и выведет страну из войны»³⁰. Эти прогнозы казались еще более реалистичными в свете того, что к началу апреля 1944 г. советские войска подошли к румынской границе, и вопрос их движения в направлении Болгарии был делом ближайшего времени.

Как мы видим, Лондон (а вместе с ним и Вашингтон) давал если не карт-бланш Москве в отношении балканских сателлитов рейха, то допускали довольно большую свободу рук советского правительства во взаимодействии с Болгарией и Румынией.

Хоть и без особого энтузиазма, западные партнеры СССР были вынуждены смириться с доминированием советских представителей в Союзных контрольных комиссиях в этих странах. Своеобразной фиксацией сложившейся в регионе расстановки сил стало «процентное соглашение» о распределении сфер влияния в Юго-Восточной Европе, заключенное Черчиллем и Сталиным во время их московской встречи в октябре 1944 г. В историографии было немало копий сломано вокруг этих устных договоренностей Сталина и Черчилля³¹. Не вдаваясь в дискуссии, нам хотелось бы подчеркнуть, что подобного рода соглашения могли быть заключены исключительно между партнерами, каковыми на тот момент являлись британский и советский лидеры. «Процентаж» был своеобразной англо-русской Антантой середины 1940-х годов. Подобно тому как «Сердечное согласие» имело дело с размежеванием зон влияния в Азии с целью упорядочить англо-русское конфликтное взаимодействие на периферии системы, так и осенняя «сделка» Сталина и Черчилля была попыткой установить негласные «правила игры» в процессе складывания нового миропорядка. Только если Антанта 1907 г. являлась шагом на пути дальнейшего англо-русского сближения в условиях скатывания великих держав в континентальную войну, то «процентное соглашение» было призвано заранее очертить жизненно важные сферы интересов обеих держав и не допустить их столкновения из-за них в будущем уже после окончания войны.

И здесь мы можем наблюдать ту существенную трансформацию, которую претерпела система международных отношений, по сравнению с реалиями начала XX в. Так, правящей элите балканских стран только в кошмаре могло присниться, что великие державы будут договариваться о таком жестком включении той или иной малой страны в свою сферу влияния, не оставив местным игрокам (как субъектам международных отношений!) никакого пространства для внешнеполитического маневра и реализации их национальных программ. На смену «балканской полифонии» пришел монолог великой державы в отношении того мирополитического пространства, которое она считала для себя ключевым. Для Великобритании таковым являлась Греция, а для СССР — Румыния и Болгария, Югославия выступала в качестве

«контактной зоны», в рамках которой, как предполагалось, Москва и Лондон обладали одинаковым влиянием.

Угасание «балканской полифонии» выразилось в том числе в преобразовании политической и социально-экономической системы местных стран под нажимом заинтересованной великой державы. Всё это вело к еще большей гомогенизации соответствующих сфер влияния. Ведь политическая турбулентность и многообразие внутривнутриполитических сил в рамках сфер интересов создавали благоприятную возможность для вмешательства внешнего фактора, вероятность чего и Великобритания, и СССР старались минимизировать. Между тем, нельзя сказать, что на этапе осени 1944 — лета 1945 г. все процессы развивались прямолинейно. Как констатировали британские дипломаты в Москве, вступление советских войск в Болгарию и Румынию не привело к моментальной и тотальной коммунизации этих стран. Напротив, стремясь заручиться как можно более широкой местной поддержкой для «своей политики, которая неизбежно вызовет какое-нибудь недовольство», советские представители остужали пыл болгарских и румынских коммунистов и, по возможности, поощряли умеренные элементы³². При этом летом 1945 г. британцы довольно критично смотрели на свою политику в Греции. В меморандуме от 8 июня, подготовленном министром образования Великобритании, было обозначено две принципиальные проблемы: во-первых, в какой мере Лондон был уполномочен вмешиваться во внутренние дела Греции, и, во-вторых, в какой степени он был готов участвовать в восстановлении экономики этой балканской страны. В свете этого британское руководство предостерегалось от «любых попыток перейти от советов к принятию на себя исполнительных функций» в Греции³³.

По своему духу политика сфер влияния, проводимая Великобританией и СССР, довольно слабо коррелировала с ялтинской «Декларацией об освобожденной Европе» и «Атлантической хартией», но, по сути, позволяла на практике реализовывать принципы, озвученные в Декларации, а именно: оказание помощи освобожденным народам и проигравшим войну странам «при разрешении ими демократическими способами их насущных политических и экономических проблем». Другое дело, что Лондон

и Москва на свой собственный лад интерпретировали понятие «демократические способы».

Квинтэссенцией британского подхода к взаимодействию с Советским Союзом в Юго-Восточной Европе можно считать письмо советника британского посольства в Москве Дж. Бальфура от 16 января 1945 г. Э. Иден включил пространные выдержки из этого письма в свой меморандум по балканской политике СССР, подготовленный уже после завершения Ялтинской конференции. Бальфур доказывал, что СССР смотрел на пространство Юго-Восточной Европы как на свою «зону безопасности», страхующую его от возобновления германской политики «натиска на Восток», а потому никакая международная организация, никакие пакты с западными державами не могли удержать Советский Союз от того, чтобы «окопаться» на Балканах, т.е. создать в регионе свою систему безопасности, которую Москва рассматривала как «первую линию обороны»³⁴. На взгляд Бальфура, Лондону придется «принять как само собой разумеющееся» доминирующее влияние СССР в балканских странах в качестве долгосрочной советской политики. Причем, на взгляд британского дипломата, именно соображение безопасности (в гораздо большей степени, чем экспансионистские устремления) определяли действия Советского Союза в Юго-Восточной Европе, подтверждением чего служила корректная позиция Москвы в отношении «греческих перипетий»³⁵. Иными словами, политика СССР носила рациональный характер, а потому механизм сфер влияния вполне мог функционировать на региональном уровне.

Такой подход предполагал, что Советский Союз мог переформатировать региональный порядок в рамках своей сферы безопасности до тех пор, пока это не нарушало общего баланса сил, складывавшегося на Балканах и в Восточном Средиземноморье после Второй мировой войны. На момент весны-лета 1945 г., по прикидкам Лондона, это равновесие могли подорвать два фактора, причем каждый из них в большей или меньшей степени был связан с Югославией. Прежде всего, британцы опасались реализации проекта прокоммунистической (южно) славянской федерации, основой для которого могло послужить болгаро-югославское сближение. Такая форма сосуществова-

ния двух балканских государств, как констатировали эксперты Форин оффис, позволила бы «растворить» македонский вопрос, который на протяжении всего постосманского периода отравлял взаимоотношения Софии и Белграда. Подобный сценарий развития событий, как это казалось на момент мая 1944 г., отвечал интересам СССР, ибо это помогло бы ему избежать ловушек, в которые традиционно попадала царская дипломатия — тщетность попыток примирить национальные программы двух враждующих южнославянских государств. Югославо-болгарская федерация, как подчеркивал британский дипломат Сарджент, была чревата установлением на Балканах славянской гегемонии, что несло угрозу для позиций неславянских стран — Турции, Румынии и Греции, причем особенно уязвима была последняя, ибо в перспективе создание автономной Македонии не исключало инкорпорацию туда сопредельных греческих территорий, населенных славянским меньшинством³⁶. В связи с этим на Ялтинской конференции Э. Иден выразил своему советскому коллеге В.М. Молотову решительный протест против создания югославо-болгарской федерации в принципе, и против заключения югославо-болгарского союза до подписания мирного договора с Софией, в частности.

Вторым моментом, который мог, на взгляд британских стратегов, спровоцировать нарушение силового равновесия в регионе и «разлитие» коммунизма за «края» советской сферы на Балканах, являлась проактивная внешняя политика коммунистической Югославии, имевшей все шансы трансформироваться в регионального лидера и стать эффективным партнером Советского Союза в Юго-Восточной Европе. Югославия, «пережившая дикую германскую оккупацию»³⁷, смогла реконституироваться и продолжить развиваться как дееспособный государственный организм благодаря жесткой, но последовательной политике лидеров партизанского движения, альтернатива которой, на взгляд англичан, по существу, отсутствовала³⁸. Кризис, разгоревшийся вокруг Триеста в мае-июне 1945 г., подтолкнул англосаксонские державы к выработке жесткого курса в отношении Белграда. Как отмечалось в секретном меморандуме, направленном новым президентом США Г. Трумэнном Черчиллю, удовлетворить претензии

Тито на Триест и прилегающие области было идентично политике «умиротворения», проводимой ранее в отношении Японии и гитлеровской Германии. Ведь тогда аппетиты югославского руководства распространились бы на территории Южной Австрии, Венгрии и Греции³⁹. Показательно, что Тито, самый перспективный балканский союзник Кремля, не получил никакой весомой поддержки СССР в вопросе о Триесте — Москва предпочитала придерживаться правил игры, выработанных на завершающем этапе Второй мировой войны. И в этом смысле механизм сфер влияния сработал.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что балканская политика Великобритании на завершающем этапе Второй мировой войны приобретала всё более застывшие формы и утрачивала черты нюансированности и поливариантности, отличавшие ее в конце XIX—первой трети XX вв. Невиданная прежде разрушительность войны, истощение британских военных и экономических ресурсов обусловили и ограниченные возможности внешней политики Лондона в Юго-Восточной Европе. Необходимость обеспечения своих стратегических позиций в Восточном Средиземноморье вынуждала Великобританию проводить довольно жесткий курс в отношении Греции, вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела этой страны. Непреклонность британского руководства усиливалась под впечатлением того, что радикальные внутривнутриполитические изменения, принимавшие реальные очертания в Греции, могли сделать ее органичным союзником другой великой державы — Советского Союза. Геополитические интересы толкали Лондон на то, чтобы выработать *modus vivendi* с Москвой на Балканах. Собственно, политика сфер влияния стала одной из граней традиционной *Realpolitik*. Осознавая, что ему было объективно нечего противопоставить советскому преобладанию в Болгарии и Румынии, британское руководство сочло наиболее благоразумной опцией договориться с Кремлем. Что же касается Югославии, то Лондон также вынужден был признать, что находившиеся в его распоряжении рычаги, не позволяли ему воздействовать на революционные преобразования, развернувшиеся в этой балканской стране, и предотвратить ее тяготение в сторону СССР. Вместе с тем амбициозная внешняя

политика новой Югославии, которую она проводила под руководством харизматичного лидера, становилась вопросом политической дисциплины уже в рамках советской сферы влияния.

Такая расстановка сил, установившая по взаимной договоренности Москвы и Лондона, не оставляла пространства для внешнеполитической самостоятельности малых стран региона, что вело к угасанию «балканской полифонии», а начавшаяся совсем скоро «холодная война» окончательно ее ликвидировала, создавав условия для гомогенизации социально-экономической и политической жизни местных стран по «западным» или «восточным» лекалам.

Примечания

- ¹ *Fox W.T.R.* The Super-Powers: The United States, Britain, and the Soviet Union — Their Responsibility for Peace. New York, 1944.
- ² *Spykman N.* The Geography of the Peace. New York, 1944. P. 5.
- ³ См. подборку британских документов по вопросу создания греко-югославской федерации: Велика Британија и Македонија: Грчко-југословенска федерација (1941–1942): документи. Скопје, 2013.
- ⁴ *Романенко С.А.* Восстановление Югославии и планы переустройства Юго-Восточной Европы // Великая победа: в 15 т. / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2015. Т. 13: Военная дипломатия. С. 64.
- ⁵ Велика Британија и Македонија. С. 60–62.
- ⁶ *Barker E.* British Policy in South-Eastern Europe in the Second World War. New York, 1976. P. 132–133.
- ⁷ *Майский И.М.* Дневник дипломата. Кн. 2. Ч. 2. М., 2009. С. 240.
- ⁸ Soviet Union Political Reports 1917–1970. Vol. V: 1934–1945. Slough: Archive Editions, 2004. P. 682.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Soviet Union Political Reports. P. 683.
- ¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 126.
- ¹² Там же. С. 101, 129.
- ¹³ *Barker E.* Op. cit. P. 121.
- ¹⁴ Yugoslavia. Political Diaries, 1918–65 / Ed. by L.R. Jarman. Vol. 3 (1938–1948). Slough: Archive Edition, 1997. P. 555.
- ¹⁵ Ibid. P. 443, 449.
- ¹⁶ Ibid. P. 447.
- ¹⁷ The National Archives (далее — TNA), Kew, UK. CAB 81/115. P. 1.
- ¹⁸ См. воспоминания Ф. Дикина: Deakin F.W.D. The Embattled Mountain. London, 1971.

- 19 См. воспоминания Ф. Маклина: Maclean F. *Eastern Approaches*. London, 1949.
- 20 Цит. по: *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальные исследования. Т. 2. М., 2015. С. 13.
- 21 *Barker E.* Op. cit. P. 163–168.
- 22 *Pavlowitch S.K.* *Hitler's New Disorder: the Second World War in Yugoslavia*. New York, 2008. P. 191.
- 23 *Ibidem.*
- 24 TNA. CAB 81/115. P. 4–5.
- 25 *Петрунина О.Е.* *Греческое государство и XVIII–XX вв.: очерки политического развития*. М., 2010. С. 547.
- 26 Там же. С. 548.
- 27 *Волокитина Т.В., Ревякина Л.В.* Антигитлеровская коалиция и страны-сателлиты Германии: подготовка и заключение соглашений о перемирии // *Великая победа: В 15 т. / Отв. ред. С.Е. Нарышкин, А.В. Торкунов*. Т. 13: *Военная дипломатия*. М., 2015. С. 121.
- 28 См. подробнее: *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. / отв. ред. В.Т. Юнгблюд*. Киров, 2014. С. 135–136.
- 29 *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1944*. Vol. IV. Doc. 155.
- 30 TNA. CAB 66/50/235.
- 31 *Resis A.* The Churchill-Stalin Secret “Percentages” Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944 // *The American Historical Review*. 1978. Vol. 83. N 2. P. 368–387; *Siracusa J.M.* The Night Stalin and Churchill Divided Europe: The View from Washington // *The Review of Politics*. Vol. 43. No. 3 (Jul., 1981). P. 381–409.
- 32 *Soviet Union Political Reports*. P. 762.
- 33 TNA. CAB 66/66/85.
- 34 TNA. CAB 66/63/57.
- 35 *Ibidem.*
- 36 TNA. CAB 66/50/235.
- 37 TNA. CAB 82/131. *Russian Intentions in S.E. Europe, 19 December 1945*.
- 38 *Yugoslav Political Diaries*. P. 561.
- 39 TNA. CAB 66/65/229.